

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

**ЗВЕЗДЫ-
ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ**



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Художник *С. Неживясов*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.
Л84 Звезды — холодные игрушки : [фантастический роман] / Сергей Лукьяненко. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Книги Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-105267-6

Встреча с иными цивилизациями оказалась обескураживающей: земляне опоздали — Галактика уже поделена между Сильными расами, и новичков быстро ставят на место, назначая им роль космических «извозчиков». Мечты о покорении космоса так и остались мечтами. Человечество безнадежно отстало от «братьев по разуму».

Однако не все на Земле готовы смириться с уготованной им унижительной ролью, и начинается борьба. Борьба за право стать равными среди равных в межзвездном сообществе...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105267-6

© С. Лукьяненко, 1997
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Океан не помнил обид. Подобно небу, он верил в свободу, подобно небу — не терпел преград. Я стоял на мокром песке, волны лизали ноги, и так легко было поверить, что чужая звезда в небе — мое Солнце, а соленая вода — древняя колыбель человечества.

Вот только линия берега — слишком ровная. Прямая, как горизонт, и такая же фальшивая. Если пойти вдоль берега, то ничего не изменится: по правую руку потянутся низкие, словно подстриженные, рощицы, по левую — будет шипеть прибой. Лишь песок под ногами изменит цвет, из желтого станет белым, из белого — розовым, из розового — черным, и — обратно. Полоска пляжа неощутимо для глаз повернет вправо, ее покроет снег, потом снова потянется песок, и когда-нибудь, очень не скоро, я вернусь к этой же точке, где волны все так же будут ласкать берег...

Один человек — уже слишком много, чтобы изменить мир. Я сделал шаг, и вода с шипением заполнила мои следы. Мир — уже слишком мал, чтобы оставить его в покое. Да и нет для живых безмятежности. Только морю и небу знаком покой.

Я поднял правую руку, посмотрел на нее — и пальцы стали удлиняться. Я лепил их взглядом, превращая человеческую плоть в острые изогнутые когти.

Впрочем, есть ли у меня еще право называть себя человеком?

Часть первая*

СЧЕТЧИК

Глава 1

— Ты не захватишь письмо? — спросила Эльза. — Похоже, мы тут завязнем недели на две, муж начнет волноваться.

— Я бы на его месте не прекращал этого занятия, — неуклюже сострил я. Эльза только улыбнулась, протягивая через стол конверт. Ее спутники сидели метрах в пяти, пили темное пиво и скалились, оглядывая нас. Ну еще бы. Я рядом с Эльзой выглядел просто цыпленком. Красивые немки — редкость, на мой взгляд. А Эльза Шредер мало того что была красивой — в парадной форме «Люфтваффы» она выглядела слегка цивилизовавшейся валькирией. Все эти побрякушечки на кителе, длинный ряд серебристых звездочек над левым нагрудным карманом, невесть как удерживающийся на белокурых волосах берет, здоровенный пистолет в запломбированной кобуре...

— А он и не прекращает, — серьезно сказала Эльза. С юмором у нее было куда хуже, чем с русским языком. — Ну как, захватишь?

— Конечно. — Я взял конверт, попытался засунуть его в карман. Конверт упирался. Эльза вздохнула, потянулась ко мне через столик, расстегнула куртку, опустила письмо во внутренний карман, где уже лежали маршрутный лист и «керосиновые талоны».

И с чего она знает униформу «Трансаэро» лучше, чем я сам?

— Спасибо, Петер, — произнесла Эльза низким мягким голосом. Похоже, коверкая мое имя на немецкий лад, она выражала свое расположение. — Ты хороший мальчик.

Я поперхнулся от обиды. А Эльза полюбопытствовала:

* В книге использованы стихи Жака Превера в переводе М. Яснова и Л. Цывьяна.

— Может, заедешь во Франкфурт, сам передашь письмо? Ты бывал во Франкфурте? Муж будет рад.

Вот всегда так — стоит оказать услугу...

— У нас расписание напряженное, я дома буду дня три всего, — буркнул я.

— Тогда в следующий раз, — легко согласилась Эльза. — Пока, Петер...

Она поднялась, и я запоздало спросил:

— Куда летите?

— Джамайя. — Эльза вздохнула. — Подвернулся фрахт.

— Птички?

— Попугайчики и воробьи. — Второй пилот «Люфтганзы» поморщилась. Я ее прекрасно понимал. Перевозить тысячу галдящих, гадящих, взбесившихся от тесноты и непристойной обстановки птиц — занятие не из приятных.

Эльза вернулась к своим приятелям, а я остался наедине с недопитой кружкой. Еще вчера я бы одной не ограничился. Но сегодня вылет, так что, по-честному говоря, и эта кружка незаконная.

Я исподлобья оглядел бар. Народу было много, и все сидели тесными кучками. Самая большая и шумная — американцы из «Дельты» и «Юнайтед Эрлайнз». Чуть поменьше — японцы из «Джал» и англичане из «Бритиш Эрэйз». Даже австралийцев из «Квантаса» и испанцев из «Иберии» я углядел. Наших — никого. Уступали мы в этом секторе позиции, здорово уступали. Я вздохнул, поднимаясь. Подошел к стойке, потянулся к телефону. Здоровяк-бармен, радостно улыбаясь, подвинул мне аппарат. Воскликнул:

— О! Янг рашен пайлот!

Он меня со вчерашнего дня запомнил. Бармены русских всегда любят. Мы им выручку делаем... даже в одиночестве.

— Пайлот, пайлот, — рассеянно сказал я. Снял трубку, набрал номер диспетчерской. Ответили не сразу. — Борт тридцать шесть — восемнадцать, «Трансаэро». Окно появилось?

Честно говоря, я надеялся, что сегодня вылететь не удастся. Можно было бы еще посидеть, попить хорошего пивка, выпасться в уютном гостиничном номере. Здесь мы бывали редко, жилье бронировали второпях, и потому мне выделили очень приличный люкс.

— Борт тридцать шесть — восемнадцать... — На том конце провода девушка-диспетчер защелкала клавиатурой

8 компьютера. — Да, есть окно. В семнадцать ноль шесть. Подтверждаете вылет?

Я посмотрел на часы. Еще не было трех.

— Да.

— На медконтроль в двенадцатый кабинет и в контрольный центр, — любезно сказала девушка.

Опустив трубку, я хмуро посмотрел на бармена.

— Фьють? — радостно спросил он.

Вот именно, фьють...

Я кивнул и пошел к двери. Навстречу ввалилась целая толпа — не то китайцы, не то филиппинцы, пришлось прижиматься к стене. Воспользовавшись заминкой, я помахал немцам рукой, но они этого не заметили.

Шумно сегодня будет в «Старом Дональде Даке»...

После полумрака бара — тонированные стекла и плотные занавеси — снаружи немудрено было и ослепнуть. Я зажмурился, доставая темные очки, нацепил их и только потом огляделся.

Сириус-А и Сириус-Б выжигали небо до белизны. Ничего, кроме света, над головой. Никаких облаков, конечно...

Земной сектор занимал окраину космодрома. Солидную часть окраины, но именно окраину. Километрах в трех от поселка тянулись посадочные полосы — нежно-сиреневые плиты, которые не были ни бетоном, ни камнем, ни пластмассой. Уже много раз пробовали взять анализ сиреневого вещества, но пока это не удавалось. С год назад при посадке перевернулся английский челнок, пытавшийся на ходу сделать титановым скребком соскоб полосы. На дальнюю как раз садился шаттл — судя по расцветке, американский. В этом секторе торговлей занимались в основном они и французы. «Трансаэро» и «Аэрофлот» болтались в куда менее гостеприимных районах.

Между поселком и ПП стояли челноки, ожидающие очереди на взлет. Я отыскал взглядом свою «птичку» — ее уже начали выдвигать к стартовой башне. Двухметровая труба, ошетиленная иглами-антеннами, и шар в основании — вот и все устройство для взлета. Как говорят у нас в компании: «С Земли надо взлететь, у Чужих надо сесть...»

Челноков было с полсотни. Оживленное место — Хикси-43, восьмая планета Сириуса-А. Единственная в этой системе, где бывают люди.

Я побрел к гостинице, втягивая голову в плечи, чтобы не напекло шею. Многие не понимают, почему мы, пилоты, при

наших заработках предпочитаем отдыхать не южнее Прибалтики.

9

Им бы разочек позагорать под Сириусами, сразу возненавидели бы Гавайи...

Отель — теоретически — принадлежал ООН. Как и Центральный пост земного сектора космопорта. На самом деле он управлялся «Хилтоном». Я помахал морским пехотинцам у входа пропуском — безумное правило, введенное еще при постройке сектора и действующее до сих пор. Кого, интересно, собирались отлавливать эти здоровые парни с М16 за спиной? Людям вход в гостиницу разрешен без ограничений, а чтобы отличить чужаков, пропуск не нужен.

Один из морпехов на меня вообще не отреагировал, другой приветливо улыбнулся. Мы с ним вчера поболтали в баре. Морпехов прикрывал от света зеркальный пластиковый козырек, за спиной у каждого крутился вентилятор. Им было не столько жарко, сколько скучно. Глазеть на взлеты-посадки, ухмыляться знакомым да заигрывать с редкими девушками — вот и все занятие...

В номере я принял холодный душ, не экономя лимитированную воду. Вечером она мне уже не понадобится. Вытираться не стал, слабо гудящий кондиционер все равно не разгонял духоту. Постоял у зеркала, изучая свое лицо.

Ну да, конечно, крутым пилотом я смотрюсь только на Земле. Когда иду по улице провинциального города... да и то в Москве на космонавтов особого внимания уже не обращают. «Хороший мальчик...» Вспомнив Эльзу, я с досадой выскочил в гостиную. Хоть бы усы росли погуще! Добродушный двадцатипятилетний теленок с соломенной шевелюрой и пухлыми щеками! Любой пилот видел мою биографию насквозь: ВВС, пара самостоятельных вылетов, ускоренные астрокурсы и старый шаттл, на который жалко сажать опытного человека.

Ну и ладно.

По большому-то счету различия между нами невелики.

Я оделся, покидал в чемоданчик немногочисленные пожитки. Вышел, прихлопнув дверь, отдал горничной на этаже ключи. Постоял, пока она оформляла на терминале мой выезд.

Девчонка была замотанная и усталая. Персонала в космопортах вечно не хватало. Каждый человек влетал в такую копейчку! Налог на потребляемый воздух, налог на аморти-

10 зацию почвы, налог на изменение массы планеты — мало ли их выдумано Чужими? Это не считая прямых расходов. Лучше бы поувольняли дармоедов-морпехов, чем выматывать диспетчеров КЦ и службу...

— Щасливо долететь, — ставя безумные ударения, сказала девушка. — Пан еще вернется?

— Наверное.

— Хорошо отдохнуть, пане. — Девушка вздохнула: — Мой отпуск... ой-ой... полгода!

Я сочувственно покачал головой.

— Пан знае Бориса Косуху? «Аэрофлот»?

— Нет, — признался я. С основными конкурентами мы общались нечасто. Вовсе не потому, конечно, что компания проводила такую политику. Просто наши рейсы пересекались редко.

— Веселый человек, — сказала девушка. Вздохнула: — Думала, все русские пилоты веселые...

Глупо улыбнувшись, я пошел к лифту. Что она этим хотела сказать? Можно подумать, что я — грустный человек!

Время еще было, и, забежав в бар на первом этаже, я выпил чашку крепкого кофе «по-звездному» — с корицей и имбирем. Очень полезная штука, чтобы отбить запах пива. Здесь пилоты никогда не собирались, как-то так повелось, что «Дональд» был нашей территорией, а бар при гостинице оккупировали наземники. Но кофе готовили правильный.

Теперь — врач.

Административные корпуса были недалеко. Все здесь рядом, в космопортах на других планетах. И все-таки я успел вспотеть, пока добежал по бетонной дорожке к аккуратным трехэтажным зданиям. Юркнул в ближайшее — между собой здания соединялись переходами из зеркального стекла, и мучиться больше положенного не стоило. Охранник сочувственно кивнул:

— Жарко?

— Жарко, — подтвердил я.

На этом наша содержательная беседа как-то сама собой затихла. Я пошел по коридорам к госпиталю.

Двенадцатый кабинет был открыт, доносились голоса, хохот. От души сразу отлегло — речь слышалась русская. Постучав по косяку, я заглянул.

— А! — Врач, невысокий крепыш в зеленом хирургическом костюме, выбрался из-за стола. — «Трансаэро»?

— Так точно.

— Да заходи, чего встал!

Он облапил меня, представился:

— Костя! Просто — Костя.

Было ему лет тридцать, а может, немного побольше. Жизнерадостность и румянец мешали понять точнее.

— Петя, — буркнул я.

Две медсестры, чинно сидевшие на диванчике у окна, прыснули.

— Месяц земляков не видел! — продолжал шуметь врач. — Когда летишь?

— Через два часа.

— Жалобы есть? — Доктор тщетно пытался принять официальный вид. — А, о чем я... Садись.

— Все в порядке. — Я достал полетную карту, едва не выронив Эльзино письмо, протянул ее врачу.

— Ты откуда родом?

— Из Москвы.

— У... далеко. А я из Абакана. Так, колись, парень. Сколько сегодня пил?

Похоже, придется признаваться...

— Полкружки пива.

Врач погрозил мне пальцем, взял со стола алкогольный детектор.

— Если больше двух кружек — сегодня никуда не пущу! Дыши!

Я послушнодохнул в раструб.

— Еще раз, — вглядываясь в шкалу, потребовал врач.

Я задышал, как спринтер после дистанции.

— Слушай, а может, ты кефир пил? — полюбопытствовал врач. — Ну, молодец! Молодец, парень! Наши словно решили поддержать общее мнение — всегда пьянствуют перед стартом!

— Вчера вот... перебрал, — признался я.

— Сколько?

— Три кружки.

Медсестры и врач молчали. Потом доктор опустил приборчик в карман, задумчиво изрек:

— Да, случай интересный... Где твои бумаги?

Он шлепнул на карту печать, расписался, провел над полоской магнитного индикатора перстнем-кодировщиком. Спросил:

12 — А летаешь давно?

— Два года.

Одна медсестра неуверенно хихикнула, другая начала мне улыбаться. Очень милая девушка...

— Ты почаще к нам заглядывай, — заметил врач. — Я диссертацию пишу: «Влияние экстремальных экстратерральных условий на поведенческие императивы». Мне нужны самые полярные случаи.

— Как компания решит. Хотя мне тут не очень нравится, — признался я. — Жарко слишком. И местные... совсем уж хмурые.

— А чего им веселиться, у них через неделю сезон коллективной эвтаназии, — хмыкнул доктор. — Личинки дозревают, надо обеспечивать свободные пространства. Ладно... Петя. Счастливо долететь.

— Спасибо. — Я начал быстренько отступать к двери.

— Сувениры хоть прихватил? — спросил доктор.

— Конечно, — похлопав по карману кителя, сказал я. Медсестры очень неуверенно засмеялись.

— Обязательно заглядывай, Петя, — помолчав, сказал врач.

— Хорошо, Костя. — Я вышел.

Все, главная проблема снята. Допуск получен.

Я прошел в корпус Контрольного Центра. Там было полно морпехов, пришлось достать пропуск и нести его в руке. Я долго искал свободного диспетчера, наконец какой-то угрюмый парень внес мои данные в компьютер и подписал последние пункты разрешения. Мой челнок уже заправили и проверили, я отдал диспетчеру талоны на две с половиной тонны керосина и подтвердил отсутствие претензий.

Вот теперь совсем все, пожалуй.

До старта оставалось полтора часа. Можно было попросить кар, но я решил прогуляться до челнока пешком. Когда еще сюда попаду?

На Хикси я прилетел с грузом простым и не хлопотным. Картинами. Ну, знаете сами — маленькие такие, пятнадцать на десять сантиметров, в деревянных рамках и под стеклом. На каждой — клочок моря, деревья на берегу, в небе луна, а по воде — серебристая дорожка. Художники честно старались обеспечить максимальное разнообразие, поэтому кое-где в море мелькали паруса, в небе летели птицы или луну затягивали облака. В общем-то зря они это дела-

ют, зрение хиксоидов куда совершеннее нашего. Им хватает той индивидуальности, которую придает картине выпавший из кисточки волосок или отпечаток пальца на темпере.

Обратно я вез груз еще более незатейливый — пластинки кортризона. Кажется, у хиксоидов они тоже служат украшениями. Но на Земле из пластинок делают самые лучшие бронежилеты и обшивку для новых моделей челноков. Хиксоиды не протестуют, хоть и могли бы воспользоваться Законом о Неправомерном Использовании. Видимо, считают, что люди хотят видеть свои корабли более красивыми.

Моя «птичка» из самых старых, обшита керамикой. Это — разработанная еще полсотни лет назад «Спираль», двадцатитонный челнок с небольшим грузовым отсеком. Конечно, он переделан, но внешне практически не изменился. С Земли «лапоть» — что поделаешь, форма такая, что прозвище к «Спирали» прилипло навсегда, — запускают стареньким, хоть и модернизированным «Протоном». Это ощущение не из приятных. Как говорят: «У Чужих приятно взлетать, на Землю приятно садиться».

У пропускного пункта на взлетное поле я последний раз предъявил пропуск и засунул его в карман. Все. Пора домой, пора-пора...

Обходя туши челноков, я двинулся к взлетной башне. «Спираль» уже заканчивали выдвигать на позицию, но персонал еще не отошел, и я ускорил шаг. Всегда интересно поглазеть на Чужих.

Команда была смешанная. Два исполинских, под три метра, хиксоида. Этакие серые богомолы. С виду жутковатые, но на самом деле, говорят, чертовски хрупкие создания. Я сам видел однажды, как хиксоид споткнулся, упал и переломил одну из опорных лап. Вот и сейчас хиксоиды стояли в порядочном отдалении от челнока. Двигали его три странных существа, похожие на черепах, но не в панцире, а покрытые складчатой кожей. Временами из складок высывалось длинное тонкое щупальце и плавно сдвигало челнок на метр-другой.

Один из хиксоидов двинулся мне навстречу. Пасть — ну не поворачивается у меня язык ртом ее назвать! — распахнулась, и хиксоид проскрежетал:

— Пилот?

Я кивнул, борясь с желанием предъявить пропуск. Не их это дело, документы мне сверять.

14 Хиксоид отступил. Дождавшись, пока «черепахи» отползут от «Спирали», я направился к люку. Трап «черепахи» тоже подвинули, спасибо им. Оттянув утопленную ручку, я открыл люк. Покосился на хиксоидов, наблюдавших за мной, и вошел в челнок.

Чем меньше с Чужими общаешься, тем меньше дров наломаешь. А то ляпнешь что-нибудь, внешне абсолютно безобидное, — и вызовешь дипломатический кризис. Например, желать хиксоидам здоровья и долгой жизни сейчас было бы колоссальным издевательством.

В челноке было здорово. Прохладно, все-таки тепло-изоляция будь здоров! Пахло кожей и пластмассой. И чуть-чуть электричеством — даже не озон, а какой-то неуловимый специфический запах обилия электронной аппаратуры. И совсем немного пряностями — я их месяца два назад перевозил, при посадке несколько упаковок лопнули и разлетелись по грузовому отсеку...

Шлюз был крошечный. Маленький пульт управления дверьми, шкафчик со скафандром, который я полгода не надевал. Дверь в рубку и дверь в грузовой отсек. Я включил герметизацию, и пока в стене гудели сервоприводы, подтягивая люк, наглухо запирая челнок, пошел проверить груз.

Кортризон — штука очень легкая. Пластинки, в точности соответствующие размерам привезенных мною картин, были упакованы в прозрачную пленку и принайтованы к стенам. На каждой упаковке аккуратно выведена масса и обозначен центр тяжести. Сверяясь со стандартной таблицей, я прикинул балансировку челнока.

Великолепно. Никаких проблем. Наверное, педантичные хиксоиды, которые лишь в искусстве ценят индивидуальность, привлекли для укладки груза счетчика.

Я запер грузовой отсек, запустил откачку воздуха и прошел в рубку. Подковка пульта тлела желтыми дежурными огнями. Активировав главный компьютер, я включил связь и общее тестирование систем. Уселся в кресло, застегнул ремни.

Справа от меня полагалось стоять креслу для второго пилота. На самом деле там стоял джампер, алюминиевый цилиндр метровой высоты. Я похлопал его по прохладному боку.

Глупо относиться к двумстам килограммам проводов и микросхем как к живому существу. Скорее уж можно здороваться с компьютером. Но у каждого свои причуды.

— Контрольный Центр — борту тридцать шесть — восемнадцать, «Трансаэро», — донеслось из громкоговорителя. — Готовы?

— Борт тридцать шесть — восемнадцать — Контрольному Центру. Почти готов.

— Стартовая башня дает десятиминутный отсчет. Время принятия решения — плюс три минуты.

— Вас понял. Жду подтверждения.

Я смотрел, как машина заканчивает тестировать свои собственные цепи, программы, резервный компьютер, системы челнока. Через две минуты сорок секунд включил связь и доложил:

— Борт тридцать шесть — восемнадцать — Контрольному Центру Хикси. К взлету готов.

— Удачи, пилот.

Как там говорил Гагарин? «Поехали»...

На экране дисплея недоуменно замигал силуэт челнока, обозначающий его положение в пространстве. Шаттл утратил равновесие. Шаттл покачивался, задирая нос в белое небо.

Меня запускали.

Ни малейшей перегрузки. Все те же «ноль восемь же», что и на поверхности Хикси. Изолированная гравитационная флюктуация с моей птичкой внутри рвалась в космос.

Это не походило на старт. Скорее планета проваливалась, убегала из-под челнока вниз, утрачивала плоскость, разворачивалась в шар. Послышался голос диспетчера:

— Борт тридцать шесть — восемнадцать. Ты уже летишь.

— Вижу.

— Долгого джампа!

— Спасибо, Хикси.

Легкая пелена вокруг шаттла — облака на Хикси все-таки были, просто их не увидишь с поверхности. Снова чистое небо, но уже голубеющее, пародирующее земное. Нос челнока качнулся, наклоняясь, меня погнали навстречу вращению планеты, выводя на орбиту. Стартовая башня способна контролировать челнок на расстоянии прямой видимости. Этого вполне хватает для набора первой космической скорости.

— Борт тридцать шесть — восемнадцать. Контроль космопорта дал информацию о твоём коридоре... — Диспетчер запнулся.